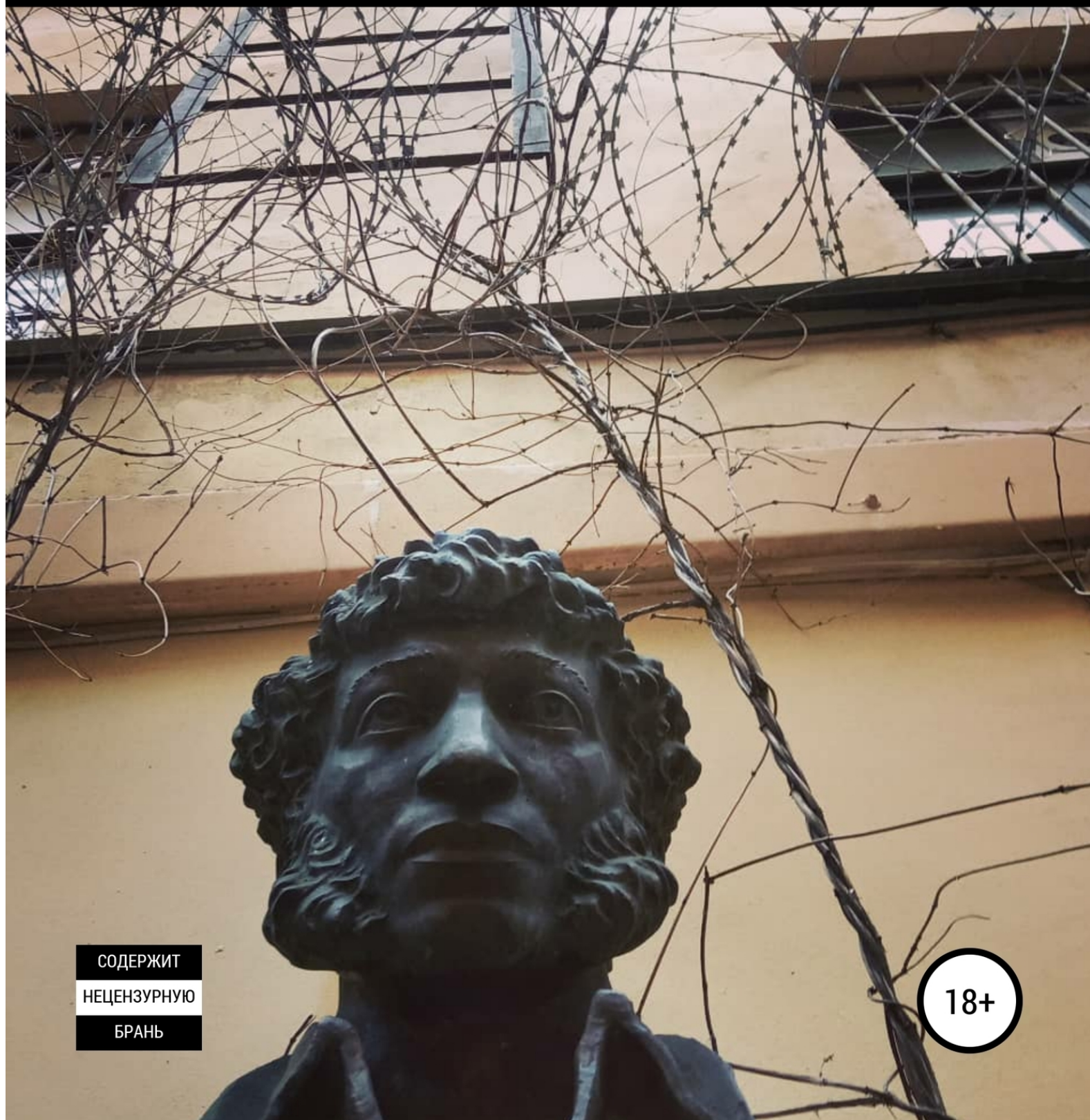

Анна Вашкевич

Настало время офигительных историй

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Длинный список 2020-го года Премии «Электронная буква»

Анна Вашкевич

**Настало время
офигительных историй**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Вашкевич А.

Настало время офигительных историй / А. Вашкевич — «ЛитРес: Самиздат», 2019 — (Длинный список 2020-го года Премии «Электронная буква»)

"Есть что вспомнить, нечего детям рассказать", - каждый хоть раз слышал эту дурацкую фразу. Лично я вспоминала её всё то время, что работала учителем. В тюрьме. Не только там. И некоторые из воспоминаний об этой работе определённо заслуживают кота, лампы и слушателей. В книге собраны мои воспоминания о работе. Все совпадения с реальными людьми случайны, автор враль, консерватор и злодей! Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Предложение, от которого невозможно отказаться	5
Глава 2. Один нюанс	6
Глава 3. Директор	7
Глава 4. Серьёзные разъяснения	8
Глава 5. «Прощание славянки»	9
Глава 6. Уроки вежливости	11
Глава 7. Куда уехал цирк	12
Глава 8. Мы писали, мы писали...	13
Глава 9. Уборщик Борис	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Глава 1. Предложение, от которого невозможно отказаться

Как-то раз сидела я на своей прежней работе. Сидела, смотрела в окно, слушала, как за дверью на перемене беснуются дети, и грустила. Мою грусть немного усугубляла расчётка за сентябрь в руках, которая ни в коем разе не способствовала предпраздничному настроению. А предпраздничное настроение по какому-то нелепому обстоятельству должно было быть вызвано у меня надвигающимся Днём учителя.

И зашла в кабинет коллега моя, чей педстаж, кроме шуток, начался еще до моего рождения. Мы с ней поговорили и о работе, и о детях постылых, и о том, что цена на колготки пошла вверх, а сумма в расчётке – вниз. «Мы поговорили» – это я имею в виду, что коллега вещала (она вообще суровая женщина гренадёрского телосложения, ей и не возразишь), а я кивала и еще иногда успевала от себя добавить: «Ага, не говорите», чтобы не разочаровывать опытную коллегу скудоумием.

Вдруг коллега смотрит на меня и говорит, что предложили ей работу неплохую – в вечерней школе. Там и с графиком посвободнее, и зарплата повыше, да и сама работа попроще, чего уж скрывать? А ей так работать надоело!.. Особенно в школе. А на новую работу еще и ездить придётся. На автобусе. Сорок минут. Так что не хотела бы ты, имярек имярековна, вместо меня рассмотреть такой вариант?

Я задумалась. Деньги – они никогда не лишние. Время свободное – опять же хорошо. Быть педагогом, конечно, важно и почётно, только муж сказал недавно: еще раз жена с работы в семь вечера придёт – ключ к замку не подойдёт.

И потом, я же писатель. Где-то в глубине души. Я пишу книгу! Это сколько же у меня времени свободного будет?.. Страшно подумать. Создам «Войну и мир». Никак не меньше.

И только собралась я спросить у коллеги телефончик волшебной школы (в моей голове возник образ почти что «Хогвартса» восьмого типа), учительница хитро сощурилась и, цитируя бородатый анекдот, сказала:

– Но есть один нюанс.

Глава 2. Один нюанс

Один нюанс заключался в том, что моё новое место работы – вечерняя школа – располагалось в тюрьме.

– Как в тюрьме? – говорю.

– Натурально в тюрьме. ИК – исправительная колония то есть.

– Т-т-там д-д-ети?

– Какие дети? Воры, убийцы... – учительница пожала плечами так непринуждённо, что я поняла: по сравнению с ее девятым «Д» рецидивисты просто отдыхают.

Идти на попятную было поздно. Потому что минуту назад, каюсь, я уже успела расхоробриться насчет того, как я замучилась «вкалывать здесь за гроши». Теперь пришло время, цитируя моих будущих подопечных, «отвечать за базар».

– Давайте телефон, – вздохнула я.

Опыт общения с потенциальным работодателем у меня всегда был специфичным. Однажды меня буквально «взяла силой» завуч по воспитательной работе, вдова полковника и заставила быть организатором праздников (это было в другой школе, и хлебнула счастья я тогда знатно – меня хватило ровно на год). Еще какое-то время назад со мной имел честь беседовать представитель одной серьезной госструктуры – приятный человек, но закончилось всё бесславно. И вот теперь мне с моей природной социофобией нужно было позвонить по телефону и договориться о встрече с директором такой расчудесной школы. Я долго причитала (разумеется, не вслух), сомневалась и, наконец, нажала кнопку вызова.

Неожиданно директор пригласил меня на кофе. Так меня еще не собеседовали, значит, надо идти.

Глава 3. Директор

– У меня есть опыт классного руководства, кроме этого, я веду несколько внеурочных проектов и являюсь куратором научной работы по...

– Слушай, самое главное, чтобы ты понимала специфику, – сказал директор школы, – у нас строгий режим – это раз. Приходить надо всегда вовремя: женщинам нельзя самостоятельно передвигаться по колонии, без сопровождения сотрудника мужского пола. А заводят вас всегда в одно время – в восемь двадцать. Опоздала – бери день за свой счёт, на работу ты не попадёшь.

Директор был маленьким мужичком, с большим ортодоксальным носом и замаскированной лысиной. Я привыкла к женщинам-вамп в твидовых костюмах и при звучных именах: Инесса Ярославовна или там Глафира Люциферовна (имя моей предыдущей директрисы тоже было очень фактурным. Именно поэтому я тут его и не приведу. Однажды я втайне ото всех опубликовала рассказ о своей бурной юности в местном альманахе, и, по счастливому стечению обстоятельств, моя директриса не замедлила его купить на книжной ярмарке, где были тысячи книг. Наудачу. Удивительная женщина). Этот директор был маленьким и очень энергичным. Он держал руки в карманах и так по-свойски оглядывался по сторонам, что в голове у меня вдруг отчётливо вспыхнуло слово: «Шнырь». Я вообще, признаюсь честно, с высоты своих метр семьдесят пять смотрю на маленьких мужчин... Ну не знаю. У меня так собака-боксёр смотрела на болонку, которая на прогулке хотела напугать её своим лаем. Но это ж директор. Надо это помнить.

– Во-вторых, юбки тебе лучше не носить, – директор перешёл на «ты», а у меня еще даже кофе в кружке не кончился.

– Как? И джинсы можно? – переспросила я, не веря своему счастью.

– Можно, – директор кивнул, – главное, чтобы это... Закрыто всё было, понимаешь? Во-от. Украшения есть? Лучшеними. А колечко оставь – пусть знают, – он кивком указал на моё обручальное кольцо.

Директор ещё долго меня кошмарил. Складывалось впечатление, что на мой преподавательский опыт (да, он скромный, но ведь весь мой! И он существует) ему пофиг. Самое главное, по словам директора, это чтоб меня не изнасиловали в первый же день. И чтобы не подсунули чего-то запрещенного в карман. Так что если представления о своей красоте этим разговором я прокачала до плюс пятидесяти, то страх новой работы – до плюс семидесяти.

– И самое главное, – сказал директор на прощание, – заполняй тетрадки. А всё остальное приложится.

Тогда я ещё не знала, какую роль играет сей важный завет.

Глава 4. Серьёзные разъяснения

Так что за Хогвартс ждал меня впереди? Здесь требуются серьёзные разъяснения.

В нашем государстве (я имею в виду Российскую Федерацию, а не Тридешатое государство) есть чудесный закон, суть которого я постараюсь передать простыми словами: если ты не закончил школу и загремел в тюрьму, и тебе к тому же нет тридцати, ты обязан доучиваться. Получать общее образование в школе. Если тебе стукнуло тридцать, ты вправе отказаться. Ну, или продолжить обучение по собственному желанию. Для таких случаев пенитенциарная система нашей страны придумала школы прямо на территориях «зоны».

Программа нашей школы была рассчитана на 9+. То есть, от девятого класса и выше. Только последним был не одиннадцатый, а двенадцатый класс, но это потому, что программа немного отличается. Волшебная школа, я же говорю. А так – и предметы те же, и темы. И даже сочинения пишем, даже есть физкультура. Но о ней позже.

Ученики сдают экзамены в девятом классе и в двенадцатом. Сдают по особой форме, не ЕГЭ или ОГЭ. Но бывает всякое. Обычно тому, кто очень ЕГЭ сдавать хочет, некоторое время даётся на подумать, взвесить все «за» и «против», сидя в изоляторе. Потому что нефиг выдвигаться. Ты тут самый умный, что ли?

Хоть школа и вечерняя, а приходиться туда нужно утром. Здесь не работает привычная логика, но что поделать.

В общем, всё то же самое, что и в привычной школе «здорового человека», только вместо детей рецидивисты. Впрочем, в некоторых классах моей прошлой гимназии разница почти не ощущалась. В остальное время школа при ИК давала обычной школе большую фору в плане дисциплины.

Глава 5. «Прощание славянки»

«Если вы такое умные, что вы строим не ходите?»

Учителя ходили строим.

Об этом я узнала, когда заполнила всевозможные анкеты, бланки, написала автобиографию, принесла трудовую и получила удостоверение о том, что я работаю в ГУФСИНе. Учителем. Как извилиста дорога приключений.

Возрастная категория большинства педагогов – пятьдесят плюс. Есть несколько приятных исключений. Есть целых три педагога мужского пола, если считать с директором. Мужчины у нас были на особом положении: они могли ходить без сопровождения, видимо, их было не жалко.

Женщины кучковались по интересам. Была группа «особо приближенных к императору»: завуч, географ, биолог и библиотекарь. Была секретарь – независимая, то есть самопопсебешная. Был математический кружок – две учительницы, державшиеся особняком, и ещё был кружок самых степенных матрон – учительницы истории и физики. В общем, выражаясь ветхозаветно, каждой твари по паре.

«Беспартийными», то есть никуда не примкнувшими, была я и учительница английского, прекрасная и благородная дама Нэлли Владимировна.

Накануне моего педагогического дебюта директор дал мне важное поручение – позвонить историчке и узнать у неё, как мне себя вести. Получить рекомендации от опытной коллеги, я ведь салага. Такой разговор расстроил меня ещё до своего начала.

– Ну ты понимаешь, лапонька, – лился мне в ухо из телефона приторный голос, – мужчины там – они же голодные...

Впоследствии, вспоминая этот разговор, я стала думать, что учитель истории Алевтина Макаровна просто очень хотела, чтоб тамошние мужики были до неё «голодными», но старалась держать эти мысли при себе.

Перед тем, как я впервые оказалась на проходной холодным ноябрьским утром, моя новая коллега подошла ко мне и, прижавшись своим круглым боком, сказала:

– Пойдёшь со мной под ручку, чтобы никто на тебя не смотрел.

В тот день я была весьма хороша собой. На мне была зимняя куртка по типу «Аляска», стеганые штаны на синтепоне, зимние «дутьыши» с резиновыми несъёмными калошами на ногах, а вишенкой на торте была вязаная шапка с помпоном. В общем, как говорит моя одногруппница, «ходячий секс». На мне можно было обучать команде «Взять!» служебную овчарку, и я бы вряд ли это заметила.

Мы все миновали проходную и двинулись вперёд.

Зэки передвигались строим по пятеро, а учителя маршировали двойками.

Дорога к школе шла через всю зону по длинной-длинной дороге. Мимо всех отрядов, мимо столовой, клуба и бань. Возле отрядов тусовались заключённые в черных робах и с любопытством – нет, не так: с большим любопытством! – нас рассматривали.

Я шла под ручку с историчкой. На меня пялились абсолютно все. Все мужики, привыкшие к определённому порядку вещей, поняли: что-то поменялось. Пришла новая учительница.

Не скажу, чтоб было очень страшно. Но неловко было точно. Я даже отчего-то вспомнила Серсею, идущую голой через всю Королевскую Гавань.

А когда градус абсурда приблизился к критической отметке, откуда-то сверху грянул марш «Прощание славянки».

У меня было такое чувство, словно я иду на войну убивать немцев. И назад я не вернусь, поэтому на меня так смотрят. Было бы ещё более аутентично, если бы кто-нибудь помахал платочком вслед.

Потом я узнала, что «Славянку» включают каждое утро – это был сигнал к построению перед утренней поверкой. А начало поверки идеально совпадало с нашей дорогой до школы. С тех пор, когда я слышу «Славянку», мне кажется, что я куда-то опаздываю.

Глава 6. Уроки вежливости

В мой первый рабочий день я возненавидела простое вежливое «Здравствуйте» из-за того, что сказала его раз пятьдесят.

Директор запретил мне закрывать дверь в свой кабинет. Камеры наблюдения были в коридоре, а в кабинетах – нет, и открытая дверь должна была стать гарантом моей безопасности.

А по-настоящему это привело к тому, что с самого прихода учеников из отрядов в школу и до конца учебного дня кто-нибудь постоянно заглядывал ко мне и говорил разными голосами: «Здравствуйте!»

Бритая голова заглядывала, говорила «Здравствуйте!» и исчезала. И я неизменно отвечала «Здравствуйте!», потому что одно из самых главных правил работы в школе – будь вежлив. Как ты поставишь себя, так будут относиться к тебе. Поэтому только «Здравствуйте», никаких тебе «Привет» или «Вечер в хату».

Кое-кто из эков проявлял чудеса догадливости и спрашивал: «А вы новая учительница?» Да, говорю, именно так. «А что ведёте?» Что ж, давай сыграем с тобой в игру: ты заходишь в кабинет, здесь прямо тебе в лоб смотрит большой портрет Льва Толстого, а вон на той стене висит огромный стенд про русских писателей. Кто я, дети? Правильно, учитель физкультуры. Именно так отвечать мне было нельзя, поэтому я раз за разом представлялась.

В первый день у меня была сплошная литература. Три десятых класса, и у каждого Островский. Еще один девятый, а у них Байрон. Вот тут я при подготовке у занятиям вообще впала в ступор. Какой ещё нафиг Байрон? В девятом классе обычно здесь учатся те, кто в нормальной школе успел закончить класса три-четыре, а я им сразу Байрона, без свеч и прелюдий, без элементарной теории о романтизме и «Озёрной школы»! Надо было придумать, как его подать, я на это потратила весь вечер.

В девятом классе ко мне на урок пришли двое. Или трое. Но двоих я помню точно: вредный парень, которого звали Матвей, и лысый дедушка лет сорока по имени Николай. Увидев последнего, я очень испугалась: Николай походил лицом на состарившегося Чикатило, с такой же робкой зловещей улыбкой, только без очков.

Ещё одно правило: никогда не спрашивать, за что сидит эк. Типа того, что это не моё дело. Пока я рассказывала о злоключениях Джорджа Гордона Байрона, я только и думала, сколько невинных девиц задушил Николай и пополню ли я его список охотничьих трофеев, если ему станет неинтересно. Матвей полуспал-полугрустил, Николай раза два что-то у меня переспросил. К концу урока в класс заглянула историчка.

– Ну как? – спросила Алевтина Макаровна у учеников. Она, как выяснилось, была у них кем-то вроде классного руководителя.

– Нормально, – сказал Николай, – сразу видно: умный учитель. Сработаемся.

Мне стало немного легче. А после уроков я узнала, что Николай мотает долгий-предолгий срок за сбыт наркотиков.

«Ну, слава богу, – подумала я, – какой, в сущности, милый ученик!»

Глава 7. Куда уехал цирк

На уроки обучающихся часто приводили с опозданием. За всё время моей работы в школе начальство несколько раз меняло расписание звонков, но конвоиры всё время умудрялись косячить и приводили зэков поздно, как будто мстили всем российским школам в нашем лице.

Из наших окон было видно, как к трёхэтажному зданию идёт большая чёрно-серая туча фуфаек. На первом этаже было ПТУ, а на втором и третьем – наша школа, но хитрые и ленивые зэки моментально рассасывались так, словно никто и не приходил. Кто-то дружил с завхозом, отмечавшим присутствующих. Кто-то просто отлынивал, но большинство отсутствовало по уважительной причине.

Дано: в классе семнадцать учеников. Из них трое на какой-нибудь работе по заданию начальника промзоны, двое находятся в строгих условиях содержания, то есть в СУСе, и учатся «на расстоянии», один выполняет спецзаказ начальства на «швейке», один за выходные загремел в штрафной изолятор, ещё один у врача, ещё ученик – на индивидуальном обучении: берёт задания по предметам раз в неделю и делает их в отряде. Сколько там остаётся? Следите за руками. Ещё у одного сегодня суд, и он не может прийти. Ещё негритёнок на «свиданке» с родственниками, другого почему-то не вывел из отряда конвоир. Не сбились? Один из негрят сегодня не пришёл, так как он активист, музыкант и артист и готовит что-то в местном клубе; в конце концов, всегда есть тот, кого я звала «Сусанин»: посмотрел расписание на четверг, хотя сегодня среда, зашёл в кабинет географии и отсидел там урок, не почувствовав никакой разницы в темах и в классе. Ну и всё, что остальное, может быть, если звёзды сойдутся, придёт на моё занятие. Хочешь – с бубном пляши, хочешь – ругайся, но вот тебе три калеки, учи их как родных, и дело сделано.

Поначалу ко мне ходили исправно и помногу. Но потом, выяснив, что я не буду говорить с ними «за жисть», а буду заставлять что-то писать в тетрадках и что-то читать, потихоньку стали исчезать. Зато я голос не повышала. Зачем на взрослых людей, которых и так немного, кричать? Тут уж, как в известном фильме, «Спасибо, что живой».

Учительница математики, которая работала здесь уже много лет, рассказывала, что раньше классы были полные. И все сидельцы прилежно занимались. Получали серьёзные знания. Тогда директор, женщина, кстати, была построже и умела настроить руководство зоны на сотрудничество. И учились за партами настоящие «воры в законе», которые понимали, что женщину, и в особенности женщину-педагога, стоит уважать и слушаться. Но потом директор поменялся, а зэк измельчал, как осётр в Байкале: всё больше стало бывших наркоманов, а с них какой спрос?

Началось у меня то, что в интернете обзывают нехорошими словами – «трудю выебудни».

Глава 8. Мы писали, мы писали...

Начали мы старательно изучать русский язык. Пошли с аза, что называется. Если заставлять эков писать весь урок, они с непривычки могут расстроиться и уйти. А останавливать их я не имею права. Да и что я, головой повредилась, что ли? Вставить на пути урки, решившего отказаться от живительных знаний орфографии? Нет уж, увольте.

Первое золотое правило педагогики: если нельзя заставить, надо заинтересовать.

То мы с ними пишем словарные диктанты, то расставляем ударения в словах, чтобы закрепить нормы произношения. С девятым классом изучаем стили речи? Пожалуйста, вот ролик с ютюба, в котором показан официально-деловой стиль (протокол задержания гражданина Петрова, рвавшего цветы с общественной клумбы), разговорный (объяснение Петровым своих мотивов), публицистический (статья в газете, порицающая таких, как Петров). Это я не специально так искала, но получилась актуалочка. С десятыми классами у нас лексика? Тогда пишите тему: диалекты и диалектизмы. Вот карта России, вот прослушайте говоры. На севере окают? Правильно! А слова какие странные услышали? А сами откуда? Так урок потихоньку и к концу идёт.

И развилось у моих эков неофициальное соревнование: кто меньше ошибок наделает, тот крут, а кто с ошибками пишет – дуболом деревенский. Друг другу в тетрадки заглядывают, обсмеивают, а если написали без ошибок – горды неимоверно. Вот, к примеру, Вова – он из хорошей интеллигентной семьи. Ну и что, что сидит за разбой, зато кое-что ещё помнит, даже про слова-исключения мне говорит. А вот Ромка. Ромка по парадоксальному стечению обстоятельств ромалэ. Цыган то бишь. Он школы отродясь не видел. Помнит как в тумане: был первый класс, потом второй, третий... И всё, обрыв. Ты ему наводящее: «Жи-ши?..» А он думает, что ты в такую игру с ним играешь, и ему надо что-то в рифму ответить. И смешно, и грустно.

Второе золотое правило учителя на зоне: знай, что говорить.

Во-первых, не «Садитесь», а «Присаживайтесь, пожалуйста». Маленькое и вёрткое, как птичка, «при» даёт ощущение незавершённости, неполноты, мол, ты тут не чалишься шестой год уже, а так, присел ненадолго, пока мимо бежал. Во-вторых, мат у нас в классе не поощряется. Редко приходили такие утырки, которые догадывались материться на уроках. Но я не боялась делать им замечания. Они их воспринимали адекватно. То ли из уважения, то ли в ШИЗО очень не хотелось. Но я всё-таки надеюсь на своё педагогическое обаяние. В-третьих, и на старуху бывает проруха. Изучали мы жаргоны, а в ученике слово «дубак». Ну, я и говорю, мол, замените стилистически нейтральным, а мне в ответ: «Охранник на вышке». Примерно тогда же я узнала, что конвоир, приводящий и уводящий хлопцев, зовётся «попуткой» и «маршрутным такси». А слово «орёл» в качестве похвалы лучше не употреблять.

Велик ты и могуч, русский язык. Ну да что я про себя да про себя. Пора и про людей рассказать.

Глава 9. Уборщик Борис

В первый день, оказавшись в своём кабинете, я слегка опешила от впечатлений. Потом спохватилась, стала разбирать тетрадки, рабочие программы, хорошо, что одним из уроков у меня выпало «окно». Я предвкушала долгожданное одиночество, когда на пороге возникла долговязая фигура с ведром.

Это был очень высокий мужчина неопределённых лет с седыми кудряшками.

Борис был школьным уборщиком и самым настоящим шнырём. Поначалу хмурое лицо его мне показалось ой каким недобрим. Борис беспардонно вошёл в класс, буркнул приветствие и стал остервенело намывать парты. Он делал это торопливо и с силой, отчего старые столы жалобно закрипели. А я вжалась в стул и постаралась не отсвечивать, мне ведь запретили оставлять эков в классе одних. Борис схватил тряпку и зашёл мне за спину.

Говорят, не бывает атеистов в окопе под огнём. Я скажу так: когда за твоей спиной определённо какой-то рецидивист и ты ему не доверяешь, ты тоже не слишком атеист.

Но я рано начала исторгать адреналин. Борис всего лишь протирал шкафчик с тетрадками. После шкафчика – я едва успела отскочить – Борис принялся за мой стол. «Компьютер включён, лучше не мыть мокрой тря...», – мои слова затухли, а вот монитор, подвергшийся такому надругательству, почему-то нет. Видимо, привык к борисовым методам.

Борис набегал на мой кабинет несколько раз в неделю. Один раз убирался, другой – захватывал мусорное ведро и ликвидировал бумаги, ещё раз – поливал цветы. Он всегда торопился, потому что все три этажа, все кабинеты и туалеты мыл он и только он. Если возникала брешь в расписании, значит, к тебе придёт Борис и намочит всё – мало не покажется. Украдкой наблюдая за ним, я выяснила: Борису очень нравились цветочки. Он бережно, почти любовно протирал каждый листик, убирал засохшее, любовался соцветиями.

Кстати, нигде я, человек, равнодушный к цветам, еще не слышала столько названий комнатных растений. Многие эки со скуки увлекались цветоводством: они знали и диффенбахию, и пассифлору, и ещё много других ругательств.

Борис старался быть тихим и незаметным. Если бы можно было стать тенью, Борис бы растворился в её сером цвете. Его роба всегда была чёрно-пыльного цвета, хотя кабинеты он содержал в образцовой чистоте. Учителя говорили о нём с добротой, а завхоз с подручными никак не унижали и не шпыняли его.

Многим экам родные присылают большие посылки с едой и одеждой. У Бориса такой роскоши не было, потому что единственным родным человеком для него была старуха-мать где-то в глухой деревне, жившая на копеечную пенсию. Иногда Борис писал ей, для чего застенчиво просил у одной из математичек листочки.

Борис любил чистоту. Он был настолько хорош в своём деле, что остался прикреплен к школе на всё время заключения. Менялись ученики, завхозы, подсобные работники, что уж там, учителя менялись, а Борис оставался. Он был талисманом этого места, добрым духом. Как-то раз в беседе я случайно узнала, что на свою мизерную зарплату Борис покупает дешёвый шампунь и моет им в школе пол, чтобы в кабинетах вкусно пахло.

Учителя жалели Бориса. Жалели исподтишка, украдкой, ведь дарить что-то заключённым, в особенности продукты питания, строжайше запрещено. Если тебя застанут, передающей что-то в руки эку, можешь в тот же день забирать трудовую. Стучат тут все и на всех. Просто потому что копят «бонусные баллы» перед руководством. И даже несмотря на это, Борису то и дело давали засохшие пряники, чай в пакетиках, несъеденные дольки яблок и апельсинки. Как-то раз я сама приносила ему пачку вафель, потом – печеньки... Не слишком часто, конечно. Совсем нечасто. Если я приносила что-то, то оставляла в компьютерном столе, а Борис застенчиво забирал, не забывая благодарить.

Зачем я это делала? Затем же, зачем и остальные. Я точно не могу ответить на этот вопрос, но, наверное, мне было жалко Бориса. Я и не знаю, что он сделал – скорее всего, убил кого-то по пьяни или в запале, вряд ли он был насильником, ведь в этих местах насильников не слишком жалуют. Борис иногда заходил в кабинет в тот самый момент, когда мы с учителями пили чай после занятий и, признаюсь, я чувствовала себя чуть ли не фашистом, пирующим на глазах у заключенного концлагеря. Можно ли чувствовать жалость к преступнику? Прежде я бы ответила: «Нет» и была бы по-своему права. Но сейчас я могла отдать Борису пару апельсинов, и меня не тревожила совесть, когда он прятал их под робу.

Однажды мне удалось осчастливить Бориса по-настоящему. Он мыл кабинеты старой драной-драной ветошью и настолько отчаялся, что просил о новой тряпке у всех вокруг: у директора, даже у Алевтины Макаровны – но все они разводили руками, улыбались и прятали взгляд. Я купила ему в магазине постоянных распродаж две тряпки с микрофиброй: большую и маленькую для пыли. В день, когда я их вручила Борису, тот сиял как медный рубль. Он ходил важно, неторопливо и как бы между делом хвалил обновку. Алевтину Макаровну страшно заинтересовало, что за добрая душа помогла уборщику, однако он меня не выдал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.